

**ФРАНЦИЯ
И
РОССИЯ:
век XVII**

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
НИЖНИЙ НОВГОРОД

ФРАНЦИЯ И РОССИЯ: ВЕК XVII

INSTITUT
FRANÇAIS

УДК 94 (4) + 81
ББК 63. 3 (4) + 81
Ф 76

Редакционная коллегия:

доктор филологических наук *Н.Т. Пахсарьян*
доктор филологических наук *К.Ю. Кашлявик*
доктор политических наук *Н.Э. Гронская*

Рецензенты:

кандидат исторических наук *Р.В. Кауркин*
доктор филологических наук *М.В. Цветкова*

ФРАНЦИЯ И РОССИЯ: ВЕК XVII. Коллективная монография. Отв. ред. К.Ю. Кашлявик. – Нижний Новгород: Радонеж, 2016. – 342 с.

ISBN 978-5-905946-53-0

В монографии помещены статьи участников Международной научной конференции «Франция и Россия: век XVII», прошедшей на факультете гуманитарных наук НИУ ВШЭ – Нижний Новгород 9-10 октября 2014 года. Конференция объединила исследователей разных областей знаний: лингвистики, литературоведения, философии, истории, политологии, социологии, что отразилось на содержании предлагаемого читателю коллективного труда. Авторы статей раскрывают своеобразие XVII века, как во Франции, так и в России, – века, который предопределил судьбу развития Европы. Наряду с работами уже состоявшихся исследователей в монографию включены и статьи студентов, посвященные данной теме.

В оформлении обложки использована гравюра «Vue perspective de la grotte du château de Meudon», André Basset le Jeune (éditeur).
(Fonds: Château de Versailles et de Trianon)

УДК 94 (4) + 81
ББК 63. 3 (4) + 81

© НИУ ВШЭ – Нижний Новгород
Факультет гуманитарных наук, 2016
© Печатная Мастерская РАДОНЕЖ, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ	6
-------------------------	----------

ИСТОРИЯ, ЭКОНОМИКА, ПОЛИТИКА ФРАНЦИИ И РОССИИ XVII ВЕКА

Quelques aspects politiques, économiques et religieux des relations entre la France et la Russie du Tsar Michel à Anne Ivanovna. <i>Jean-Paul Besse</i>	8
Первое российское посольство во Францию (1615-1616) и необычное эхо событий в Новом свете. <i>О.В. Окунева</i>	21
Из истории украинско-французских культурно-цивилизационных взаимосвязей (XIV-XIX вв.). <i>О.А. Иваненко</i>	31
Представление о Московии в сочинении Авраама де Викфора «Посол и его функции». <i>А.С. Чернышова</i>	41
Тайное значение Франсуа Бернье. <i>Е.Э. Косматова</i>	49
Пьер Паскаль (1890-1983) и его работы по истории русского религиозного кризиса в XVII веке. <i>М.Ю. Роцин</i>	56
Роль Кодекса Ж. Савари (1673 г.) и морского ордонанса Ж.-Б. Кольбера (1681 г.) в формировании торгового права Франции и России. <i>Е.А. Долкова</i>	61
Экономическая политика Ж.-Б. Кольбера. <i>М.А. Лютова</i>	66
Рождение мануфактуры и госпромышленности во Франции и России в XVII веке. <i>А.В. Сучкова</i>	73
Торговля и финансы во Франции и России XVII века: сравнительный анализ. <i>Е.Е. Сидорова</i>	78

ГРАНИ КУЛЬТУРЫ XVII ВЕКА

Фенелон и его роман. <i>М.В. Разумовская</i>	86
Эволюция типа «honnête homme» во французской литературе XVII века. <i>Н.Т. Пахсарьян</i>	93

Человек XVII века перед лицом смерти (на материале писем Антуана Арно). <i>Е.А. Аль-Фарадж</i>	102
Италия в «Мемуарах» Марии Манчини. <i>С.Ю. Павлова</i>	112
От трагикомедии к роману (о влиянии П. Корнеля на творчество М. де Лафайет). <i>Т.П. Сапожникова</i>	120
Картезианская этика и проблема иллюзии во французской и русской литературной культуре XVII века. <i>С.В. Панов</i>	125
Грамматическая мысль в России и Франции XVII века. <i>Л.К. Мохова</i>	134

МУЗЫКА И ТЕАТР XVII ВЕКА

Музыкальная практика и эстетические рефлексии Франции XVII века. К вопросу о межпарадигмальности как состоянии культуры. <i>Т.Б. Сиднева</i>	142
Формирование клавишинной музыки во Франции XVII века. <i>Д.Н. Ануфриева</i>	150
Французская школьная драма в XVII столетии. <i>И.А. Некрасова</i>	154
«Трагедия с машинами» в творчестве Корнеля. <i>К.А. Чекалов</i>	164
«Монарх Плутон»: об одной роли Людовика XIV. <i>М.С. Неклюдова</i>	179
«Рука Веласкеса» и «Orfeo Nell'inferi»: авторефлексия в искусстве барокко. <i>Л.Е. Муравьева</i>	189
Религиозная драма на французской и русской культурной почве в XVII веке. <i>Е.В. Гришин</i>	196
Миф об Есфири в интерпретации Жана Расина и Иоганна Грегори. <i>Е.В. Москвина</i>	204

КОМПАРАТИВНЫЙ ДИАЛОГ С XVII ВЕКОМ

Литературная сказка во Франции в XVII и в России в XVIII веке. Рождение жанра. <i>М.А. Гистер</i>	218
Приключения Красной Шапочки в России (Часть I: 1768-1867). <i>С.В. Власов</i>	234
Новые приключения Красной Шапочки в России (Часть II: 1871-2014). <i>В.Д. Алташина</i>	250
Французские и русские Мелюзины: средневековый сюжет во Франции и России в Новое время. <i>А.В. Голубков</i>	263
От Кальдерона до Бальмонта: русский перевод драмы «Жизнь есть сон» и французский текст-посредник. <i>Е.Н. Васильева, О.А. Светлакова</i>	276
Стратегическая переключка мысли Паскаля, Батюшкова, Тютчева и Достоевского. <i>Б.Н. Тарасов</i>	285
Бодлер и Паскаль. Основания диалога. <i>О.В. Тимашева</i>	310
Философские традиции XVII века в становлении творческой индивидуальности Гюстава Флобера. <i>Г.И. Модина</i>	317
С.Д. Коцюбинский о литературном наследии Блеза Паскаля. <i>К.Ю. Кашлявик, З.И. Киринозе, А.Е. Лобков</i>	328

С.Д. КОЦЮБИНСКИЙ О ЛИТЕРАТУРНОМ НАСЛЕДИИ БЛЕЗА ПАСКАЛЯ

К.Ю. Кашлявик, З.И. Кирнозе, А.Е. Лобков[©]

О Блезе Паскале (1623-1662) – философе, теологе, физике, математике, защитнике Пор-Рояля от иезуитов и самого короля написано тысячи страницы на разных языках. О Паскале-писателе практически не писали. Хотя нет ни одного издания по истории французской литературы – от академического фолианта до школьного учебника, в которых среди французских классиков XVII века не упоминалось бы имя Блеза Паскаля.

Но Паскаль-писатель остается загадкой. Как и другие гении, он больше ставит вопросов, чем дает ответов: о природе человека, о непостижимости Бога, о Слове, родственном откровению пророков и скрытом за своекорыстием плоти, жаждущей материальных благ. Ответы ученых и философов на загадки бытия остаются неполными и гадательными. Литература не дает ответа, но она указывает путь к смыслу, который А.Ф. Лосев, назвал самой сложной философской категорией.

Первым о Паскале-литераторе в русском литературоведении решился написать Сергей Дмитриевич Коцюбинский (1909-1944?), чье имя и труды полузабыты в отечественной филологии. Глава о прозаиках классицизма, подготовленная С.Д. Коцюбинским для академического издания «История французской литературы», побудила авторов статьи начать сбор сведений о нем¹.

Первый шаг в расследовании привел в Воронцовский дворец-музей в Алушке, где, по смутным сведениям, служил С.Д. Коцюбинский в середине 30-х годов XX века. Затем поиски переместились в Санкт-Петербургский государственный университет, где в конце 30-х годов С.Д. Коцюбинский учился в аспирантуре. После четырехлетнего пребывания в Ленинграде в кругу С.С. Мокульского и В.М. Жирмунского он, по слухам, подготовил диссертацию о прозе классицизма во Франции. Была ли она защищена

[©] Кашлявик Кира Юрьевна, доктор филологических наук, профессор департамента литературы и межкультурной коммуникации факультета гуманитарных наук Национального исследовательского Университета «Высшая школа экономики» (Нижний Новгород); Кирнозе Зоя Ивановна, доктор филологических наук, профессор кафедры философии и эстетики Нижегородской государственной консерватории имени М.И. Глинки (Нижний Новгород); Лобков Александр Евгеньевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии, зарубежной литературы и межкультурной коммуникации Нижегородского государственного лингвистического Университета имени Н.А. Добролюбова (Нижний Новгород).

¹ Коцюбинский С.Д. Прозаики классицизма // История французской литературы. В 4 т. М.; Л.: АН СССР, 1946. Т. 1. С. 439-465.

и что стало с текстом рукописи – пока неизвестно. Сам Сергей Дмитриевич пропал без вести в годы войны. Статья С.Д. Коцюбинского «Литературное наследие Паскаля», опубликованная в «Ученых записках» филологического факультета Ленинградского государственного университета, ставит ряд вопросов, среди которых главным остается вопрос о художественном наследии Паскаля.

Утверждение о том, что Паскаль – «классик», оставивший произведения, равные Расину и Мольеру, не объясняет причин, почему Паскаль-писатель в отечественном литературоведении долгое время оставался забытым. Разгадка Паскаля, классика XVII века, дается С.Д. Коцюбинским исторически точно. Литературность Паскаля недооценена, во-первых, потому что в его текстах видели философию, вне широкого мировоззренческого контекста; во-вторых, потому что религиозная окраска произведений Паскаля, не рассчитанных на чисто эстетическое восприятие, скрывала их художественную сторону. И, наконец, потому, что качество рукописей Паскаля, сохранившихся в не разобранным виде, прежде разговора о поэтике, требовала текстологического анализа.

Но гораздо сложнее был вопрос, поставленный С.Д. Коцюбинским, о природе таланта автора «Писем к Провинциалу» и «Мыслей». За подсказкой ученый обращается к А.С. Пушкину. «„Все, что превышает геометрию, превышает нас“, сказал Паскаль. И вследствие того написал свои философические мысли!»¹. Приведенная ученым в качестве эпитафии «мысль» Пушкина, взята из «Отрывков из писем, мыслей и замечаний», впервые напечатанных в альманахе «Северные цветы на 1828 год».

Изречение Паскаля заимствовано А.С. Пушкиным из трактата «О геометрическом уме» (1655). Оно включено в контекст вопроса о границах научного (математического) познания: «Прежде, однако, нам следует задать понятие метода еще более возвышенного и совершенного, хотя и превышающего человеческие возможности, – как превышает нас все, что выходит за пределы геометрии»².

¹ Коцюбинский С.Д. Литературное наследие Паскаля // Ученые записки Ленинградского государственного университета. Серия филологических наук. Вып. 8. Л.: ЛГУ, 1941. С. 30. Далее в тексте страницы указаны в скобках по этому изданию. Курсив везде принадлежит С.Д. Коцюбинскому.

² Паскаль Б. О геометрическом уме. Пер. с фр. О. И. Хомы // Паскаль Б. Трактаты. Полемические сочинения. Письма. Сост. О. И. Хомы и А.А. Жаровского. Статья, комм., указ. О. И. Хомы. Общая ред. А.Б. Мокроусова. К.: Port-Royal, 1997. С. 69.

Выше логики и бесспорных законов математики А.С. Пушкин, вслед за Платоном, видел нечто их превосходящее – смысл бытия, доступный лишь пророкам и художникам. Два слова в эпитафии, применительно к статье С.Д. Коцюбинского о Паскале, можно выделить как ключевые – «превышает» и «вследствие этого».

Что превышает даже самые точные математические законы? У Паскаля это «мысли», называемые «апологией духа». И «вследствие этого» Паскаль пришел к философии писателя. С.Д. Коцюбинский масштабы этой стороны деятельности Паскаля определяет высшей мерой – как образцы новой французской литературы, открывающей целую эпоху в поствозрожденческой прозе. Здесь видится еще один провидческий ход С.Д. Коцюбинского – неизбежность перехода от ренессансной к постренессансной прозе, к тому, что А.В. Михайлов назвал переходом от риторического к свободному романному слову. Стиль Паскаля оказался связанным не столько с риторикой, сколько с дидактикой.

Сближение Паскаля с А.С. Пушкиным для С.Д. Коцюбинского лишь одна из загадок литературности Паскаля, его стиля, его интереса к точным наукам и к мучительным раздумьям о тайне человека, которую наука не может разрешить. Спор между наукой и теологией рассматривается С.Д. Коцюбинским как самое мучительное противоречие в жизни Паскаля, его внутренняя трагедия. Отметим, что мысль Паскаля пересекается со взглядами на возможности разума «господ из Пор-Рояля» А. Арно и П. Николя³.

Статью «Литературное наследие Паскаля» С.Д. Коцюбинский начинает с констатации того факта, что литературное творчество

³ «Напротив того, следуя разуму, мы должны признать, что существует три рода вещей. Одни можно познать ясно и достоверно, другие мы, по существу, ясно не познали, но можем надеяться когда-нибудь познать, и наконец, третьи невозможно познать с достоверностью – или потому, что мы не располагаем началами, которые привели бы нас к их познанию, или потому, что они слишком несоразмерны нашему уму. Первый род включает все, что познается путем доказательства или через умозрение. Второй служит предметом исследования для философов, но легко может случиться, что они будут заниматься этими вещами впустую, – если они не сумеют отличить второй род от третьего, т. е. не смогут распознать вещи, доступные уму, и те, которые для него недостижимы. Наилучший способ сократить себе путь в изучении наук – не заниматься разысканием того, что выше нашего разума и что мы не можем надеяться когда-либо понять. К этому роду принадлежат все вопросы, касающиеся могущества Божия, которое смешно пытаться объять нашим ограниченным умом, и вообще все, в чем есть бесконечность; ибо наш конечный ум в бесконечности теряется и слепнет, изнемогая под гнетом множества противоречивых мыслей, которые она вызывает». Арно А., Николь П. Логика, или Искусство мыслить. Отв. ред. А.Л. Субботин. Пер. с фран. В.П. Гайдамака. М.: Наука, 1991. С. 301.

Паскаля еще ни разу не становилось объектом исследования отечественного литературоведения. До революции Паскаль воспринимался в основном как философ-этик⁴. Советское литературоведение не могло, хотя бы на уровне краткого упоминания, пройти мимо такого крупнейшего явления в литературе как Паскаль, но очевидная религиозная составляющая его творчества становилась помехой в его изучении. В университетских курсах по истории западноевропейской литературы имя Паскаля лишь бегло упоминалось как имя сильного публициста, блестящего стилиста и христианского моралиста. При этом «Письма к Провинциалу» и «Мысли», хотя и назывались величайшими памятниками французской классической прозы, однако проходили скорее по разряду христианской публицистики⁵.

На литературное творчество Паскаля С.Д. Коцюбинскому указал его учитель С.С. Мокульский. В статье о Паскале в «Литературной энциклопедии» С.С. Мокульский рассматривает его как «писателя, мыслителя и ученого», не разделяя французского гения на различные ипостаси. Он не раз отмечает, что наследие Паскаля в художественной сфере не менее значимо, чем его достижения в других сферах человеческой мысли. Говоря о «Письмах к провинциалу», С.С. Мокульский подчеркивает, что это «не только шедевр религиозно-политической публицистики, но и первоклассное художественное произведение: Паскаль создал здесь комические фигуры иезуитов, которые по своей полнокровности и пластичности предвещают персонажей Мольера». Характеризуя «Мысли» как сборник «афоризмов религиозно-философского содержания», написанных с целью осознания и преодоления трагического противоречия между разумом и верой, С.С. Мокульский вновь

⁴ Гуляев А.Д. Этическое учение в «Мыслях» Паскаля. Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1906.

⁵ См. академическую рецепцию в: Стороженко Н.И. Очерк истории западноевропейской литературы. Лекции, читанные в Московском университете. М.: Типография Г. Лисснера и Д. Собко, 1908. С. 231-234; Коган П.С. Очерки по истории западноевропейской литературы. Т. 1. 9-е изд., испр. М.: Госиздат, 1928 (Паскаль не рассматривается); Фриче В.М. Очерк развития западноевропейской литературы. Изд. 4-е, Харьков, 1929 (Паскаль не рассматривается); Луначарский А.В. История западноевропейской литературы в ее важнейших моментах: в 2 ч. Изд. 2-е, испр. М.-Л.: Госиздат, 1930. Ч. 1. С. 231; Шиллер Ф. История западноевропейской литературы нового времени: в 3 т. Т. 1. Изд. 2-е. М.: ГИХЛ, 1937. С. 23; Пуришев Б.И. Хрестоматия по западноевропейской литературе XVII века. М.: Учпедгиз, 1940. С. 548.

заключает, что «"Мысли"» Паскаля – «произведение не только философа, но и художника»⁶.

С.Д. Коцюбинский подхватывает идеи С.С. Мокульского и высоко оценивает небольшое по объему творчество Паскаля, предоставляющее, по его мнению, «весьма важный и цельный материал», который может «служить ключом к пониманию того *самого главного* [курсив – авторов статьи], чем жила и дышала французская литература XVII века» (с. 31).

«Паскаль – классик», – это исходный пункт мысли С.Д. Коцюбинского, разделяющего установившуюся во французском литературоведении точку зрения на место Паскаля во французской литературе XVII века «близкое к ее вершине»: «из всех его современников только Расин первенствует над ним в виртуозности стиля и только, может быть, Мольер превосходит его своим художественным кругозором и остротой восприятия действительности» (с. 31).

Вслед за Ш.-О. Сент-Бёвом и Ф. Брюнетьером, С.Д. Коцюбинский безусловно признает достоинства художественной формы двух самых известных шедевров Паскаля – «Писем к провинциалу» и «Мыслей». Паскаль, наравне с Расином, «наиболее выразительные законодатели» художественного стиля классицизма. Но для С.Д. Коцюбинского Паскаль важен, прежде всего, как блестящий стилист, как носитель и выразитель содержания всего комплекса идей классицизма (философского, политического и этического характера), что делает творчество Паскаля «не только замечательным явлением художественной литературы, но и важнейшим звеном в развитии общественного сознания французского народа и в тоже время существенным этапом в становлении европейского гуманизма послеренессансной формации» (с. 32).

Исторический перелом первой половины XVII века, связанный с усилением абсолютизма и кардинальной перестройкой общественных форм, остро поставил «вопрос о подчинении личности государству, вопрос о замене прежних, резко индивидуалистических норм поведения новым этическим кодексом, превращающим “свободного” человека в члена национального и социального коллектива» (с. 32).

Поиск «новой этики», «новой системы чувств и поведения», которая соответствовала бы перевоплощению «человека для себя» в «человека для государства», стал, по словам С.Д. Коцюбинского,

⁶ Мокульский С.С. Паскаль // Литературная энциклопедия. В 11 т. М.: Советская энциклопедия, 1934. Т. 8. – Стб. 461-463.

центральной проблемой всей писательской деятельности Паскаля, однозначного решения которой писатель, однако, достичь не смог. Паскаль не был одинок в своих поисках, его эпоха дает толчок к интенсивному развитию морально-дидактической литературы (где художественность – неотъемлемая составляющая), представленной такими громкими именами как Гез де Бальзак и Фенелон, Сирано де Бержерак и Лафонтен.

Следует отметить, что важность литературы в деле воспитания гражданской добродетели ясно осознавали такие яркие представители абсолютизма, как Ришелье и Людовик XIV, стремившиеся через Французскую академию подчинить писателей государственной системе.

Отступая в сторону, необходимо заметить, что обращение С.Д. Коцюбинского к эпохе и прозе классицизма (Паскаль, Лабрюйер, Ларошфуко) связано и с окружающей его двойственной реальностью молодого советского государства, которое, подобного абсолютизму, стремилось к усилению центральной власти и повсеместному искоренению инакомыслия. Проблема «долга и страсти», превращения «человека для себя» в «человека для государства», в 30-х годах XX века была как никогда актуальна и остро воспринималась самим С.Д. Коцюбинским, пережившим аресты и смерти многих близких ему людей. Паскаль в этой связи может выступать в качестве alter ego самого исследователя. Наука и религия, как и в XVII веке, в новых условиях общественной жизни оказались несовместимы.

Обращаясь к религиозно-этическим воззрениям Паскаля, С.Д. Коцюбинский выделяет в качестве исходного пункта его рассуждений «признание несовершенства человека». Паскаля мучит вопрос о всеилии смерти и предназначении человека. Как и Паскаль, С.Д. Коцюбинский ищет ответы на мучительные вопросы в теологическом учении янсенизма. Описывая роль монастыря Пор-Рояль в культурной жизни Франции и борьбу его вождей и идеологов Арно и Николя с католической Церковью и орденом Иезуитов в частности, С.Д. Коцюбинский с глубоким пониманием отмечает, что «безусловным ортодоксом Пор-Рояля Паскаль никогда не был и, по-видимому, не мог быть» (с. 34). Религиозная непримиримость, очевидно, был чужд Паскалю во всех проявлениях. Поставив свое перо на службу Пор-Рояля, Паскаль стремился сокрушить общего противника – иезуитов. Но как только обличительный пафос Паскаля периода «Писем к провинциалу» сменяется созидательным вдохновением апологии христианской религии, идеологические

расхождения с янсенистами становятся неизбежными. Не случайно, первое издание «Мыслей» Паскаля, выпущенное П. Николем, было сглажено и приспособлено к требованиям Пор-Рояля. С.Д. Коцюбинский приходит к заключению: «Паскаль “Писем” для янсенистов *свой*, Паскаль “Мыслей” для них только *союзник* [курсив – авторов статьи]» (с. 35).

Итак, вслед за янсенистами, Паскаль признает несовершенство человеческой природы. Но дальнейшее развертывание этой мысли он совершает самостоятельно, переводя ее из «теологической сферы» в «сферу принципиально гносеологическую»: «Идея о несовершенстве человеческой судьбы в мире, во вселенной, оказывается универсальной проекцией другой, еще не осознанной до конца идеи – идеи о несовершенстве человеческой судьбы в обществе» (с. 36-37).

Исследователь затрагивает важный вопрос о социальном мире и светской культуре. Он был поднят уже в «Письмах к провинциалу», адресованным не столько богословам, сколько всему французскому обществу. Ими зачитывались и им подражали. За обличением иезуитов увидели требование новой нравственности и справедливого общества.

С.Д. Коцюбинский точно замечает, что «Письма» никакой новой морали еще не дают, они «дают только *требование* [курсив – авторов статьи] новой морали», высказанное с чисто янсенистских позиций (с. 36). Ответ на это требование Паскаль дает в своих «Мыслях». И он уже «не только янсенистский», это попытка «дать систему этики» для разрешения болезненного для современников вопроса «о роли личности в жизни и обществе» (с. 36)

То, что сейчас известно как «Мысли», первоначально задумывалось как «Апология христианства», демонстрирующая ничтожество человека без Бога и блаженство человека с Богом. Вопрос познания человеком своей собственной природы и смысла собственного существования без преувеличения является магистральным в истории человеческой мысли. С.Д. Коцюбинский отмечает, что Паскаль сталкивает в оценке природы человека две крайние позиции – стоиков (Эпиктета) и скептиков (Монтеня). Раскрывая крайности взглядов на человека, «Паскаль дает удивительный по диалектичности ответ. Да, человек велик. Да, человек ничтожен» (с. 38). Величие человека – его разум, возможность осознавать себя. Образ «мыслящего тростника» станет одним из самых любимых поэтических образов в мировой культуре.

В трактовке разума Паскаль противоречив, ему трудно согласовать между собой очевидное могущество и не менее очевидную немощность разума. С.Д. Коцюбинский выделяет две линии противостояния, на которых разум зачастую оказывается беспомощным. Во-первых, это столкновение со страстями. Автор приводит известную паскалевскую иллюстрацию: «Если бы нос Клеопатры был короче, вся поверхность земли приняла бы другой вид» (с. 40).

Во-вторых, это воздействие на разум внешних факторов (природных, социальных), разрушительную силу Паскаль иллюстрирует на примере Кромвеля и крошечного камушка в его мочеточнике. Унизив гордый разум, Паскаль отказывается от него как «фактора познания мира» и обращается к вере и сердцу на пути к истине.

С.Д. Коцюбинский справедливо задается вопросом, где искать корни этого противоречия в оценке разума, несовместимости науки и религии в сознании Паскаля. Естественно было бы увидеть их в биографии французского мыслителя, богатой яркими и сильными событиями. С.Д. Коцюбинский выделяет два больших периода духовного бытия Паскаля, водоразделом которых стало чудесное спасение от смерти в возрасте до 30 лет. В первой половине жизни Паскаль «всеобъемлющий ум, ученый, сочетающий страсть к науке с жадной полнокровной жизни, последний представитель великой фаланги возрожденцев» (с. 43). Во второй половине – Паскаль «религиозный фанатик, враг науки, аскет и проповедник с почти изуверскими замашками» (с. 43). Списать такую мучительную борьбу в сознании Паскаля только на факты личной судьбы было бы, однако, слишком поспешно и просто.

Паскаль – гениальный человек с огромным творческим потенциалом и его трагедия, как точно подмечает С.Д. Коцюбинский, носит не личный, а эпохальный характер. Его метания между наукой и религией, между разумом и верой – «одно из наиболее ярких проявлений трагичности европейского сознания в переходный период от Ренессанса к абсолютизму»; «Последний великий отпрыск Ренессанса становится его добровольным могильщиком»; «Борьба Паскаля с Монтенем приобретает монументальные формы и обобщается как борьба двух стадий в развитии европейской культуры» (с. 44).

Монтень для Паскаля любимый писатель и учитель. Подробно его влияние на Паскаля раскрывают исследования Ш.-О. Сент-Бёва,

В. Кузена, Э. Авэ и Ф. Стровского. Огромное количество явных и скрытых отсылок к своему предшественнику в «Мыслях», показывают «глубокую идейную, тематическую и стилевую зависимость Паскаля от Монтеня» (с. 45). С.Д. Коцюбинский делает парадоксальное заключение: «Борясь с Монтенем, Паскаль следует ему; следуя ему, Паскаль борется с ним... открывая крестовый поход против Монтеня, *Паскаль стремится вытравить в самом себе следы монтеневского мировоззрения*» [курсив – авторов статьи] (с. 45).

Пристально вчитываясь в текст «Беседы Паскаля с господином де Саси», записанной секретарем последнего Н. Фонтеном, С.Д. Коцюбинский приходит к выводу, что Монтень для Паскаля – «символ», «персонификация большой идейной сферы», «воплощение большого мировоззренческого ряда» – «воплощение идейной системы Ренессанса» (с. 46).

С.Д. Коцюбинский отмечает, что большая часть «Мыслей» представляет теологический материал, связанный с поисками новой аргументации в пользу существования Бога и необходимости религии, доводами, зачастую курьезного характера. Эти поиски имеют для Паскаля «глубокий и поистине трагический смысл» (с. 52). С.Д. Коцюбинский делает убедительный вывод, что в «Апологии христианской религии» Паскаль стремится убедить в действительности и правомочности веры не читателя, а самого себя: «Отвергнув разум, отбросив науку, Паскаль пришел к религии и увидел мрак и бездоказательность» (с. 53).

С.Д. Коцюбинский опирается на мысль Н.И. Стороженко, что «Паскаль хотел приложить к христианству тот самый метод, которому он следовал для доказательства научных проблем, т.е. выставить ряд фактов, в существовании которых наш разум не может сомневаться, и затем доказать, что эти факты объясняются только с помощью христианской религии»⁷.

Попытка соединить математическую логику и веру заранее обречена на неудачу, и Паскаль предчувствует это, «он сам себя хочет уверить в Боге. Он верит, но он страдает бездоказательностью веры» (с. 53). В этом заключен трагический разлад ученого и верующего человека: Паскаль обнаруживает несообразности в религии и оправдывает их.

Неудивительно, что текст «Мыслей» полон противоречий и взаимоисключающих записей. В этом нет ничего случайного: «это

⁷ Стороженко Н.И. Паскаль // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXII^А: Оуэн - Патент о поединках. СПб.: Типо-литография И.А. Ефрона, 1897. С. 916.

явление закономерное и исторически оправданное. Оно <...> результат все того же непримиримого конфликта между монтеневской философией и учением Церкви, который так трагически воплотился в сознании великого ученого. Оно – все тот же продукт кризиса европейского гуманизма, который в Паскале нашел наиболее действенное воплощение» (с. 54).

С.Д. Коцюбинский солидаризируется с мнением Ф. Брюнетьера, выделяющего в качестве резюмирующей мысли (квинтэссенции) всего объемного труда Паскаля, такую сентенцию французского автора: «Нужно уметь сомневаться, когда это нужно, подчиняться, когда это нужно, и верить, когда это нужно. Кто поступает не так, тот не слушается силы разума» (с. 55).

Если Монтень предстает как обобщенный образ либертинажа и философии Ренессанса, то закономерно возникает вопрос о позиции Паскаля как частного лица или выразителя более широкого общественного мнения.

Ближайшее окружение Паскаля – религиозный круг Пор-Рояля резко высказывается о Монтене. Но не принимает его и значительная часть французского общества нарождающегося абсолютизма.

Общественное сознание французского общества, пережившего период Фронды, активно осмысляет проблемы взаимоотношения государства и личности, задается вопросом о границах и возможностях абсолютной власти. Литература самым непосредственным образом откликается на политическую тематику, воспитывая в своих читателях гражданские добродетели.

С.Д. Коцюбинский рассматривает взгляды Паскаля на государство, привлекая широкий литературный контекст. Он признает справедливым тезис Паскаля, понимавшего, что общество не основано на справедливости, но на силе. Несовершенство человеческой природы продолжается в несовершенстве человеческого общества. Доказательство того, что сила и справедливость неразрывно связаны, Паскаль строит как настоящую геометрическую теорему, давая *«открытое и последовательное рационалистическое обоснование принципа абсолютизма, при этом такое обоснование, которое признает этот принцип неизбежным меньшим злом»* [курсив – авторов статьи] (с. 60). Выводом о том, что существующий порядок вещей изменять не следует, как точно отмечает С.Д. Коцюбинский, Паскаль переключается со многими великими мыслителями эпохи, в частности, с Шекспиром, с Декартом, с Лабрюйером. Но и здесь Паскаль противоречив,

поскольку то, что является целесообразным и справедливым с точки зрения государства, может жестоко ограничивать свободу отдельного человека. Логика Паскаля признает власть необходимой. Но чистота и светлость разума не может примириться с такой властью. Человеческий дух и мысль стремятся выйти за рамки социальной, национальной и временной ограниченности. Так С.Д. Коцюбинский находит не только противоречия Паскаля, но, пожалуй, «самое страшное противоречие», связанное с сомнением в разуме (с. 63).

Последний раздел своей статьи С.Д. Коцюбинский посвящает разбору стиля писателя. «Письма» и «Мысли» оказали сильнейшее влияние на французскую литературу и язык XVII–XVIII века (Ларошфуко, Мольер, де Лафайет, де Севинье, Лабрюйер, Вовенарг, Вольтер). Идейное содержание доходит до читателя в значительной степени за счет литературной техники Паскаля. С.Д. Коцюбинский характеризует его художественный стиль следующим образом: «Предельная логика слова, удивительная по силе и красоте конструкция фразы, точный и безошибочный синтаксис, огромный диапазон художественно-изобразительных средств – сравнение, гипербола, парабаза⁸, риторическое обращение, умение вовремя прибегать к убедительным образам – все возможные стилистические приемы и средства делают произведения Паскаля подлинно классическими памятниками французской литературы. Простота, ясность и лаконичность его слога позволяют квалифицировать его произведения как законченную реализацию эстетических норм классицизма» (с. 64).

Паскаль прекрасно понимает, как важно подобрать правильное слово для выражения мысли: «Один и тот же смысл изменяется смотря по словам, которые его выражают. Смысл от слов получает свое достоинство, вместо того, чтобы давать им его» (с. 64).

На примере «Писем к провинциалу» С.Д. Коцюбинский раскрывает становление художественного метода Паскаля и его влияние на современников (с. 64-67). Сила «Писем» – в ясности и общедоступности. Для фиксации мысли, для передачи ясных и четких представлений Паскаль-литератор прибегает к рациональной форме языка. Он оттачивает каждую строку, выходящую из-под его пера. Паскаль знает, что истина всегда проста. Поэтому он сторонится вычурности и стремится к естественности стиля. Геометрический метод проникает в поэзию – минимум слов, максимум идей.

⁸ Вероятно, опечатка; скорее: парафраза.

Немаловажную роль играет конкретность и наглядность языковых образов. Работа над стилем писем, особенно последних, требует больших усилий и сосредоточенности. Паскалю приходится не только формировать общественное мнение для восприятия нового мышления, но и работать над французским языком для передачи нового содержания.

Затрагивая вопрос о жанровой специфике, С.Д. Коцюбинский относит «Письма к провинциалу» к «памфлету», «сатире». «Мысли» же имеют принципиально иную жанровую природу и иной стиль. С.Д. Коцюбинский рассматривает их в русле широко распространенных фрагментарных жанров эссеистского характера («essais», «maximes» et «caractères»).

Понятно, что наиболее универсальный образец дал Монтень своими «Опытами». Жанровую зависимость своих «Мыслей» Паскаль сознает вполне ясно, что С.Д. Коцюбинский подтверждает цитатой из «Мыслей»: «Манера писать, усвоенная Эпиктетом, Монтенем и Саломоном де Тюльти, очень годна для употребления; она лучше всего проникает в душу, дольше остается в памяти и легче всего может быть цитируема, потому что она состоит из мыслей, зародившихся в обыкновенных житейских разговорах» (с. 68).

Исследователи долго бились над разгадкой третьего упомянутого имени. Влияние Эпиктета и Монтеня на Паскаля очевидно само по себе и раскрыто многими исследователями. В начала XX века Ф. Стровский высказывает остроумную догадку, что Salomon de Tulti – это зашифрованный псевдоним самого Паскаля, образованный как анаграмма имени Louis de Montalte, которым Паскаль подписывал свои «Письма к провинциалу».

Признавая правильность догадки Ф. Стровского, С.Д. Коцюбинский, однако, делает иной вывод: «под именем Саломона де Тюльти Паскаль говорит о себе не как об авторе «Писем», а уже как об авторе “Мыслей”» (с. 68). Такое понимание авторства позволяет русскому ученому сделать вывод и о сознательной жанровой трансформации – от первоначального замысла «Апологии христианства» к фрагментарному эссеистскому произведению типа «Pensées»: «если бы Паскаль успел издать свой труд сам, он придал бы ему не форму монолитного связного изложения, а приблизительно ту форму, которую нашли для него его издатели» (с. 69).

Такая точка зрения созвучна современному поэтико-текстологическому взгляду (т.н. «ядерный стиль») на жанровую природу «Мыслей». Каждый фрагмент-мысль вырастает из

первоначального ядра-заметки до маленького эссе. Несмотря на то, что разработанность таких смысловых «ядер» у Паскаля различна, важен сам принцип композиции – разрастаясь, смысловые поля соприкасаются с полями соседних «ядер», создавая сложную динамическую систему порождения смысла целого.

Подтверждение жанру «Мыслей» С.Д. Коцюбинский ищет в стиле, выделяя три главных особенности. Первая из них – «геометрическая манера в рассуждениях» (с. 69). Вторая – «диалектическая форма рассуждений» (с. 70). Третьей специфической чертой стиля «Мыслей» С.Д. Коцюбинский называет их «удивительную страстность и искренность» (с. 70).

В их сочетании и рождается ценность «Мыслей» «как страшной исповеди очень умного и очень несчастного человека», «как замечательного эпического документа переходного периода», «как первоклассного памятника художественной прозы», «как произведения, оставившей во французской литературе неизгладимый и очень плодотворный след» (с. 70).

С.Д. Коцюбинский сумел взглянуть на литературное наследие Паскаля в очень широком контексте: биографическом, литературном, научном, морально-религиозном, политическом, историческом. «Идейное содержание» и «стиль» для него неразрывны, в их сочетании и заключается художественная сила произведений Паскаля. Эстетическое у Паскаля подчинено морально-дидактическому началу. Это характерно для французской литературы классицизма, взявшей на себя воспитательную функцию. Паскаль ставит вопрос о роли личности на новом витке исторического развития в центр своей писательской деятельности, затрагивая философские, политические и этические аспекты этой проблемы. Гениальность Паскаля, сказавшаяся в образах, сюжетах, идеях и, конечно же, в стиле, не помогла ему преодолеть трагического противостояния, обусловленного самой природой человека. Носитель острого математического ума ставит под сомнение его познавательные возможности. Он буквально испытывает «горе от ума». Это ярко сумел показать С.Д. Коцюбинский, проследив художественную эволюцию Паскаля от полемических «писем» к философским «мыслям», к «страшной исповеди очень умного и очень несчастного человека». Таковой оказалась и судьба самого С.Д. Коцюбинского.